

Психотерапия не приносила желаемых результатов.

Чжо Чжисюань сжимал в руках стопку медицинских заключений и хмурил брови.

Потеряв Шэнь Цзунняня, Тань Юмин лишился друга, члена семьи и возлюбленного в одном лице. Он стал марионеткой с обрезанными нитями, молодым деревом с обрубленными корнями. Он напоминал машину без микрочипа, в которой всё ещё работала программа, заданная Шэнь Цзуннянем. И как бы ни было больно, Тань Юмин отказывался сбрасывать всё до заводских настроек.

Моника понятия не имела, сколько ещё людей с расшатанной психикой окружает её младшего сокурсника. Она серьёзно предупредила:

— Я могу использовать аппаратуру, чтобы принудительно погрузить его в сон. Могу контролировать его нервную систему препаратами и подавлять эмоции. Но в истинном смысле этого слова чистая медицина его не вылечит.

— Придумай что-нибудь ещё, — с тревогой взмолился Чжо Чжисюань. — Раньше он был абсолютно здоров. Правда! Даже когда Чэнь Ваню было так плохо, и то...

— На самом деле, ты прекрасно знаешь, что болезнь господина Чэня вылечила не я, — прямо заявила Моника. — Его настоящим врачом стал его партнёр.

Все эти годы Чжао Шэнгэ обращался к ней за консультациями чаще, чем сам пациент. Моника не смела приписывать себе чужие заслуги и честно призналась:

— В лучшем случае я играла лишь вспомогательную роль. К тому же, господин Чэнь был куда послушнее, чем этот молодой господин Тань.

У Чэнь Ваня, по крайней мере, было желание жить и твёрдая вера. У него была цель и духовная опора.

Пока в человеке теплится хоть искра жизни, с ним можно работать. Но Тань Юмин, казалось, в глубине души махнул на себя рукой. В его подсознании таилось множество радикальных мыслей, которых он сам даже не замечал.

У Чжо Чжисюаня пересохло в горле, а дыхание участилось.

— Его нельзя в этом винить. Дело не в слабости, а в физиологических и генетических ограничениях человека. Это происходит не по его собственной воле, — Моника указала на несколько цифр в отчёте. — У него и раньше была сепарационная тревога. А теперь все катастрофические сценарии, которые существовали лишь в его голове, стали реальностью.

Детские травмы никогда по-настоящему не заживали. И когда Шэнь Цзуннянь — этот заботливый и надёжный пластырь — исчез, раны вскрылись и начали кровоточить со всех сторон.

— Психика пациента не справляется с таким давлением и тяжестью. Ему остаётся лишь выражать боль от разлуки через тело. А человек, который мог бы ему помочь, как раз и является очагом его болезни, — Моника тяжело вздохнула. Обычно врачи так не выражаются, но всё же добавила: — Это равносильно эмоциональному и нервному раку.

Зрачки Чжо Чжисюаня дрогнули. Он почувствовал себя так, словно это ему поставили смертельный диагноз.

Тань Юмин очнулся в комнате для гипноза и кивнул им. Чжо Чжисюань подошёл, улыбнулся ему и сказал:

— Есть небольшая проблема. Слушайся врача, начни принимать таблетки, и постепенно всё наладится.

Он сжал плечо Тань Юмина и тихо, но твёрдо повторил:

— Всё будет хорошо.

Тань Юмин равнодушно угукнул.

Прошла осень. Приближался последний день рождения Тань Юмина в его двадцатые годы. Накануне ему позвонили из швейцарского банка.

— Соглашение требует ежегодного продления и подтверждения. Мы не можем связаться с господином Шэнем, поэтому звоним бенефициару. Господин Тань, у вас будет время зайти к нам на днях?

Тань Юмин поспешно приехал на Финансовую улицу. Он держал в руках договор, и его ладони горели.

Чтобы избежать вмешательства семьи Шэнь, Шэнь Цзуннянь оформил в этом швейцарском банке бессрочное поручительство на неограниченную сумму. Поручителем выступал он сам, а гарантируемым лицом — Тань Юмин. Это покрывало абсолютно все долги, зарегистрированные на имя Тань Юмина. Срок действия был неограничен. Это было солидарное обязательство по любым долгам, которые могли возникнуть в будущем.

Это означало, что если однажды Тань Юмин столкнётся с неразрешимыми трудностями, независимо от размера его долгов, это поручительство станет для него страховкой. Это была бессрочная и безусловная защита.

Договор продлевался уже шестой год. Это означало, что Шэнь Цзуннянь оформил поручительство, когда ему было двадцать четыре года.

Дарение, приносящее исключительную выгоду, не требовало согласия самого бенефициара.

Если бы с Шэнь Цзуннянем не произошёл несчастный случай, Тань Юмин никогда бы об этом не узнал.

Пожизненный бенефициар побледнел, словно получил тяжёлый удар. Ему стало трудно дышать. Швейцарский менеджер поспешно велел клерку заварить женьшеневый чай.

— Я в порядке, — Тань Юмин жадно вчитывался в каждую страницу договора, словно надеялся найти хоть пару слов, оставленных Шэнь Цзуннянем. Вдруг он нахмурился: — А это что за пункт?

Поскольку вкладчика не было, сидевший перед менеджером гость являлся полноправным владельцем. Менеджер велел достать вещь из сейфа.

Блеск золотисто-сапфирового зажима для галстука с узором бабочки резанул по глазам. У Тань Юмина был точно такой же!

Это был подарок на совершеннолетие, который Вэй Сыхэ подарил ему на восемнадцатилетие.

В мире не существует двух абсолютно одинаковых листьев. Однако биолог Стивен случайно обнаружил в Южной Америке двух бабочек вида Морфо Хелены с абсолютно идентичным узором на крыльях.

Между ними не было никакой генетической связи. Это был прекрасный дар природы. Ведь даже у гусениц из одного яйца и кокона вероятность появления стопроцентно одинакового узора составляет один к миллиарду. Это всё равно, что у двух не связанных кровным родством людей оказались бы абсолютно одинаковые отпечатки пальцев.

Согласно статье, опубликованной Стивеном в международном журнале, во время окукливания одна бабочка пожертвовала выделяемыми ею шёлковыми нитями, чтобы защитить другую. Только так они обе смогли вырваться из кокона. Жизнь бабочек ярка и коротка. Когда умерла одна, вторая тоже вскоре перестала махать крыльями.

Их образцы были выставлены в музее Буэнос-Айреса. В память об этой редкой паре бабочек-близнецов дизайнер Джейн скопировала узор их крыльев и, используя старинную технику золочения, создала эти зажимы для галстука «Близнецы». В мире их существовало всего два.

Один находился в руках начинающего художника Вэй Сыхэ, а другой был куплен на аукционе неизвестным.

На банкете в честь своего восемнадцатилетия Тань Юмин получил в подарок зажим от Вэй Сыхэ. Вещь ему очень понравилась. Он обнял друга за плечи, его глаза-персики превратились в полумесяцы от улыбки. Тань Юмин в шутку ударил его кулаком и сказал, что тот настоящий друг.

Шэнь Цзуннянь молча спрятал в карман второй зажим, который он достал через Цзян Ина, задействовав множество связей.

Цзян Ин наблюдал за всем этим со стороны, хотел что-то сказать, но промолчал.

Во время танцев Тань Юмин спросил Шэнь Цзунняня, где его подарок. Шэнь Цзуннянь ответил, что забыл.

Тань Юмин ошеломлённо посмотрел на него, но тут же со смехом сказал:

— Быть такого не может. Даже не пытайся меня обмануть.

Шэнь Цзуннянь промолчал. И весь оставшийся вечер улыбка Тань Юмина была немного блеклой.

Он всегда открыто выражал свои эмоции, но к Вэй Сыхэ относился довольно тепло. Тот только что вернулся в страну, и Тань Юмин, как хозяин, должен был проявить гостеприимство.

Вэй Сыхэ и Тань Юмин оживлённо болтали и смеялись. Время от времени Вэй Сыхэ бросал на Шэнь Цзунняня тонкие, провокационные взгляды.

На следующий день Тань Юмин отправился на прогулку с Вэй Сыхэ. Когда Шэнь Цзуннянь вернулся домой, он спросил:

— Ты расплачивался моей картой?

Ему было всё равно на деньги. Просто он увидел в жёлтой прессе статью о том, как «господин Тань сорит деньгами ради своего близкого друга-художника, купив на аукционе королевские драгоценности за миллионы, лишь бы вызвать улыбку своей музы».

Тань Юмин играл в видеоигры. Он лениво поднял голову:

— Да, а что, нельзя? — Он всё ещё злился на Шэнь Цзунняня и язвительно бросил: — Мало того, что подарок не приготовил, так тебе ещё и этих денег жалко?

Но вслух он не сказал главного. Он купил эти драгоценности только потому, что подарок Вэй

Сыхэ оказался слишком дорогим. Тань Юмин считал, что их дружба ещё не достигла такого уровня, поэтому нужно было сделать ответный жест. Если бы подарок преподнёс Шэнь Цзуннянь, ему бы и в голову не пришло ничего отдаривать.

Кроме того, Вэй Сыхэ в последнее время стремительно набирал популярность и уже имел немалый вес на международной арене. Корпорация «Хуаньту» как раз осваивала рынок предметов роскоши, поэтому поддерживать с ним хорошие отношения было просто необходимо.

Но по какой-то причине Шэнь Цзуннянь и Вэй Сыхэ, казалось, совершенно не ладили. Поэтому Тань Юмин преподнёс ответный подарок от их общего с Шэнь Цзуннянем имени. Этим он давал понять, что это их совместный жест: уважать Шэнь Цзунняня — значит уважать самого Тань Юмина.

Папарацци ничего не поняли и написали всякую чушь.

Впрочем, Шэнь Цзуннянь тоже этого не знал. Он лишь спокойно посмотрел на Тань Юмина и ровным голосом ответил:

— Как хочешь.

Неподаренный подарок пылился в сейфе одиннадцать лет, но всё ещё ярко сиял. Кончики пальцев Тань Юмина задрожали. Боль от окукливания, скрытый процесс превращения в бабочку... Навсегда упущенная юность.

В восемнадцать лет он не получил подарка на день рождения. В двадцать девять — тоже.

В его последний день рождения перед тридцатилетием Шэнь Цзунняня рядом не было.

Двадцать третьего ноября, в сам день рождения, Гуань Кэчжи и Тань Чжуншань приготовили для Тань Юмина лапшу долголетия. Получилось не очень вкусно. У Тань Юмина не было аппетита. Он попробовал немного и хотел отложить палочки.

Но вспомнив, что Шэнь Цзуннянь каждый год съедал всё до последней капли, он через силу заставил себя съесть ещё полмиски.

День рождения Шэнь Цзунняня был не за горами — двадцать второго декабря. Тань Юмин вдруг осознал, что меньше чем через месяц Шэнь Цзунняню исполнится тридцать.

Во дворе щебетал попугай. Старый господин Тань, видя подавленное состояние внука, специально принёс птицу в зал Ваньцзин, чтобы немного его развеселить.

— С днём рождения! С днём рождения!

— Большой дурак! Тань Юмин!

«Я просто ублюдок», — подумал Тань Юмин. Он мимоходом бросил попугаю горсть зёрен, подцепил ключи от машины и собрался выходить. В гостиной раздался голос Гуань Кэчжи:

— Мин-цзай, посмотри, кто пришёл!

Зимнее солнце светило мягко и спокойно. На сливе уже появились почки. Чэнь Вань и Чжо Чжисюань стояли по обе стороны от двери и махали ему.

— Пошли.

Тань Юмин кивнул им:

— Откуда вы знаете, куда я собрался?

— В храм богини Тяньхоу, — Чжо Чжисюань обнял его за плечи. — Разве бывает месяц, чтобы ты туда не ходил? А уж в день рождения — тем более.

Чэнь Вань тоже улыбнулся и сказал Гуань Кэчжи:

— Директор Гуань, Юмин сегодня вечером поужинает с нами. Вы не против?

Гуань Кэчжи обрадовалась, увидев, что ребёнок готов выйти из дома:

— Конечно, молодёжь, развлекайтесь на здоровье.

Они вышли на улицу. В саду был припаркован чёрный Rolls-Royce Ghost. Тань Юмин замер. Сидевший за рулём Цзян Ин кашлянул и сказал:

— С днём рождения.

— Спасибо, — ответил Тань Юмин.

Хотя после той ссоры в палате они не общались наедине, Тань Юмин знал, что господин Цзян изо всех сил помогал им. Помогал ему, Шэнь Цзунняню, семье Тань.

На самом деле, Тань Юмин был рад, что Цзян Ин тогда так заступился за Шэнь Цзунняня. Это был поступок настоящего друга.

Друзья не держат зла долго. Всё было понятно без слов.

Как раз наступил сезон Малых снегов. В храме Тяньхоу было многолюдно. Чжо Чжисюань, Чэнь Вань и Цзян Ин тоже зашли внутрь, зажгли благовония и искренне загадали желания. Они договорились прийти сюда снова в следующем месяце, на зимнее солнцестояние — в день рождения Шэнь Цзунняня.

Чжо Чжисюань сказал:

— Поехали, Цинь Чжаотин уже забронировал столик.

Это снова был ресторан «Ваньбаолоу». Но не та кабинка, где они ужинали после стрельбы, а побольше.

Чжао Шэнгэ поспешно вернулся с острова Цзе. Пришли Сюй Эньи, Сюй Чжиин, Тань Цзуи и даже Ван Сыминь. Официально собрались ради дня рождения, но на деле все просто хотели встретиться и обменяться информацией.

Тань Юмин сейчас вообще не выходил из дома, ни с кем не общался и не посещал мероприятия. Увидеться с ним было крайне сложно.

Собравшиеся обсудили уже проверенные морские порты, проанализировали пересекающиеся маршруты, скорректировали планы и расширили зону поисков. Каждый взял на себя свою часть работы.

В последующие полгода город Хайши пережил ещё несколько тайфунов, небывалое за десять лет похолодание и очень тяжёлую эпидемию гриппа.

Тань Юмин смотрел на спящих по улицам пешеходов и машины, с тревогой думая: не заболел ли Шэнь Цзуннянь? Тепло ли он одет? Хорошо ли ему живётся?

Чжо Чжисюань и Цзян Ин неоднократно сопровождали Тань Юмина в поездках за пределы острова на поиски, но безуспешно. Однажды Цинь Чжаотин получил довольно подозрительную зацепку. Тань Юмин сбежал прямо с официального совещания и полетел к нему, но всё оказалось впустую.

Патрульный катер от отеля Ван Сыминь выловил в открытом море неопознанный мужской труп. Тань Юмин так испугался, что готов был посреди ночи мчаться в море. К счастью, вскоре выяснилось, что это не он.

Чжао Шэнгэ и Чэнь Вань тоже мотались по разным местам, выезжали за границу больше десятка раз, но возвращались ни с чем.

Надежда, крах, разочарование. Снова сбор воли в кулак, и снова крах. И так по кругу. Эксперты и участники десятков профессиональных поисковых групп в один голос твердили: с точки зрения науки и опыта, вероятность уже...

Постепенно всем пришлось начать учиться принимать реальность. Всем, кроме Тань Юмина.

Тань Юмин не принимал этот результат. Тань Юмин никогда не сдастся.

Полгода спустя.

«В первой половине этого года на рынке земельных сделок Хайши было опубликовано объявление о передаче третьей партии коммерческих земель. Всего выставлено пять участков. Первым был продан участок у горы Сяотаньшань. Стартовая цена составила 3,86 миллиарда юаней».

«Начиная с этой партии, земельный рынок Хайши отменил ограничение на максимальную наценку в 14%. Корпорация «Пинхай» первой выставила свои котировки в ходе ожесточённой конкуренции».

«Журналисты финансового канала ТСВ продолжают следить за развитием событий и предоставят больше информации...»

Гора Сяотаньшань находилась у порта и обладала уникальным географическим положением. Корпорация «Пинхай» преодолела все препятствия и после нескольких месяцев тяжёлой борьбы добилась нелёгкой победы. Тань Юмин планировал выделить часть территории под строительство знаковой обсерватории. Несколько отделов работали сверхурочно, готовя проекты для обсуждения на собрании.

— Гора Сяотаньшань и так является достопримечательностью. Мы можем создать объединённую ландшафтную зону. Туристы будут проходить по мосту из залива Млечного Пути прямо к панорамному лифту.

— Ландшафтный парк не будет слишком конкурентоспособным. Ведь мы ориентируемся на обсерваторию Кеплера на горе Кадори. У обсерватории Кеплера есть историческое наследие, а мы просто выделяем кусок коммерческой земли, чтобы добавить ценности.

— На данном этапе экономическая выгода уже не является главной. Важнее подчеркнуть эффект культурной визитной карточки.

Несколько топ-менеджеров высказывали свои мнения. Тань Юмин откинулся на спинку кресла,

слушал, но ничего не говорил. От просмотра множества схем и проектов рябило в глазах. Его телефон завибрировал. Воспользовавшись предложением, он вышел из конференц-зала подышать свежим воздухом.

Осеннее небо было высоким и бескрайним. Открыв окно, он почувствовал аромат османтуса.

— Алло?

На том конце провода на секунду воцарилась тишина.

— Тань Юмин.

<http://bllate.org/book/17117/1621280>